

**«Маркс совершил величайший
переворот в общественном сознании
человечества, выработал научное
мировоззрение пролетариата,
правильно отражающее законы
исторического развития.
Он превратил социализм из утопии
в науку, обосновал неизбежность
гибели капитализма и торжества
коммунизма. К. Маркс вооружил
рабочий класс пониманием его
исторической миссии, как могильщика
эксплуататорского строя и творца
социалистического общества, указал
пути соединения революционной
теории с массовым рабочим
движением».**

**Из Тезисов к 150-летию
со дня рождения Карла Маркса.**

**Рисунок
Э. Неизвестного**

Гениальные люди даже в глубокой старости молоды каждой мыслью своей, словом, мускулами стилия своего. Очевидно, нестарение — особенность таких людей. Кроме того, гений — всегда предтеча. Изучая жизнь Маркса, я поняла, что он не только наш современник, в обычном смысле этого слова, он человек будущего, человек, по которому люди еще долго и долго будут равняться.

Я часто задумывалась над тем, какой же характер, какая же внутренняя сила нужна, какой неугасимый огонь должен был гореть в этом человеке, если он мог выбрать любую судьбу, а выбрал самую трудную и остался верен ей до конца.

Велик ли был выбор у Маркса? Его дарования рано стали заметны. Он блестяще учился в Бонне, в Берлинском университете выделялся среди своих сверстников. Он мог заниматься преподаванием, ему были доступны все кафедры Германии, ему предлагали профессорскую тогу.

Он мог бы возглавить крупный банк. За ним гонялись и Ганзема и наиболее крупные финансисты — буржуа Германии, которые предлагали ему выгоднейшие условия. Ему нужно было только немножечко поступиться своей идеей, пойти на малейший сговор, на компромисс. И тогда не было бы ни изгнания, ни бедности.

Борьба, о которой Маркс писал, как о счастье, велась не только на баррикадах и не только за те идеи, которые он исповедовал, не только за науку коммунизма. Это была борьба и с самим собой. Она проявлялась в умении заставить себя работать, как это делал он всю жизнь, преодолевая трудности самые различные, в умении жертвовать всем ради поставленной цели. Я не могу не поражаться этому, потому что Маркс мог перенести все, абсолютно все ради идеи. Для меня это абсолютная высота человеческого духа.

После создания Интернационала, и особенно после Парижской коммуны, Маркс стал всемирно известен. Его боялись и его хотели купить. За ним охотились русские жандармы. Они заполучили фотографии Маркса, о котором ходили слухи, что он собирается в Россию. На границе Российской империи после гибели Парижской коммуны был арестован немецкий бородатый купец, однофамилец Маркса. Когда обнаружилась ошибка, охранное отделение было весьма разочаровано. Меттерних получил о нем донесения от агентов. Бисмарк многократно посылал к нему своих людей со всевозможными посулами и приглашениями работать в Берлине в «Правительственном Вестнике». Но Маркс уже бросил в голову буржуазии «самый страшный снаряд» — гениальный «Капитал».

Назвав свою трилогию «Прометей», я, естественно, хотела подчеркнуть, что Маркс, как Прометей, дал людям огонь. Но подвиг Прометея не только в этом. Прометей предсказал гибель богам. В схватке пригвожденного к скале Прометея и Зевса-бога — для меня символический смысл судьбы и жизни Маркса. Маркс предсказал капитализму гибель и назвал, кто будет его могильщиком.

Галина СЕРЕБРЯКОВА

Звуковой плакат «Пролетарии всех стран, соединитесь!». С фронтов классовых битв: из Вашингтона, Франкфурта-на-Майне, Лондона, Рима, Парижа, Токио. Первая звуковая страница,

предсказавший

Л. Бредшоу. Фрагмент памятника, установленного на Хайгетском кладбище в Лондоне.

Война, какой бы она ни была, как бы она ни называлась, всегда вторгается в жизнь людей. Бушует пламя за сотни или за тысячи километров от твоего дома — тебя не покидают тягостные размышления о разрывах бомб, о жизни и смерти. Потому как смерть, посеянная войной, может войти в любой дом, и в твой тоже. Война не выбирает... Не оттого ли особенно остро мы воспринимаем мир, когда он приходит после долгих дней войны, каждый из которых всегда памятен незаживающими ранами, человеческими трагедиями... Двадцать три года на советской земле мирная жизнь. Те, кто родился в сорок пятом, уже растяг своих детей. И, наверное, их заботы о детях такие же, какими в свое время были окружены они сами. Но среди разных забот есть одна всеобщая: забота о земле, на которой растут дети, забота о Родине. Родина много дает своим сыновьям и дочерям, но и многое с них спрашивает.

В сегодняшнем мире, напряженном, сложном и жестком, защита социалистического Отечества — священный долг каждого. Мы публикуем интервью с писателем К. Симоновым, записанное нашим корреспондентом на магнитофонную ленту.

Константин СИМОНОВ

УМЕТЬ ЛЮБИТЬ

Если говорить о нынешней молодежи и пытаться сравнивать ее с нашим поколением, поколением молодых накануне войны, то будет справедливым сказать, что она образованнее нас, в каких-то вопросах самостоятельнее в мышлении, она более критично и трезво относится к целому ряду несовершенств жизни.

Это ее достоинство.

У меня такое чувство, что, случись беда и упади на плечи наших детей такая же ответственность, какая пала на наши, они не хуже справятся с этой ответственностью.

Я в этом глубоко убежден.

Если бы я в это не верил, жить бы просто не хотелось. В то же время я испытываю такое чувство, что, наверное, очень нескромно, когда человек пытается говорить как отец не о своих собственных детях, а в целом — о поколении. Получается как бы, что он пытается изобразить из себя отца целого поколения. Такой человек берет на себя слишком много. Мне кажется, некоторые наши литераторы и журналисты иногда зря берут на себя эту обязанность — говорить в таком, несколько отцовском тоне о молодежи.

Что же касается моих собственных детей, я стараюсь говорить с ними серьезно, говорить все, что я думаю, и стараюсь, чтобы и они говорили все откровенно. В общем, наши мнения по основным вопросам в итоге этих дискуссий совпадают. В чем-то они иногда убеж-

дают меня, в чем-то я их. На основе таких откровенных семейных разговоров мы приходим пока что к общим взглядам. Есть и расхождения — в менее существенном. И я был бы дураком, если бы считал, что они должны исповедовать мои взгляды по всем вопросам.

У меня естественная, как и у всякого, любовь к молодежи, потому что я не представляю себе человека, любящего свою Родину и не любящего молодежи. Я не представляю себе коммуниста, верящего в победу наших идей и не любящего молодежи, потому что в этом случае он вряд ли думает о дальнейшем победоносном шествии наших великих идей.

Очень важно, чтобы у нас, людей старшего поколения, был общий язык с молодежью, чтобы мы говорили по-честному и о том, что

нравится нам, и о том, что не нравится в каких-то действиях, поступках, настроениях молодых людей. Когда же им представляется что-то противоречащим нашим общим идеалам и они критикуют, спрашивают, почему так и не иначе, надо уметь их слушать, уметь убеждать.

У нас, старших, в свою очередь, должна быть готовность не только к критике, но и к самокритике. Надо уметь прислушиваться к тому, что молодежи не нравится в твоей работе, в твоих собственных поступках. И если готовность к критике и самокритике — действительно свойство человека и потребность его души, тогда и устанавливаются товарищеские отношения между людьми разных поколений.

Мне думается, что попытки делить общество по эдакой, знае-

те ли, горизонтали: это поколение хорошее, то поколение плохое, — эти попытки неподотворны, от кого бы они ни исходили, от молодых людей или от старых. В каждом поколении есть люди более боевые, более самоотверженные, делающие большую часть той работы, которая возложена на плечи поколения. Но есть и другие — подставляющие плечо под этот вместе несомый груз только для вида. Такие люди бывают во все времена, и каждое поколение должно с такими людьми воевать и наставлять их на путь истинный. Молодежь это должна понимать. И вместе со старшими воздействовать на таких людей — своих сверстников. Она сама должна справляться со своими заблуждениями и со своими пассивными товарищами, а то и просто бездельниками. В этом проявится не только зрелость, самостоятельность, твердость духа молодых людей, но и верность их идеалам и заветам старшего поколения.

Молодежь верит в идеалы коммунизма. И это — самое главное. Она думает о них, она бьется за них. И залог победы в этой борьбе за коммунизм, которая идет, и будет продолжаться, и будет победоносной (как бы нас ни ругали, как бы на нас ни нападали), — в том, что нет ничего чище этих идей, чище коммунистических идеалов.

Фото Н. Свиридовой

Испания 1936—1937 годов навсегда останется в истории человечества как яркое проявление интернациональной солидарности, интернационального долга коммунистов всего мира, как живое воплощение нового гуманизма, рожденного в борьбе с воинствующим фашизмом.

На седьмой звуковой странице слушайте:

О Гренаде. Писатель Эрнест Хемингуэй.

О Гренаде. Генерал П. И. Батов и кинорежиссер Р. Л. Кармен.

О Гренаде. Поэт М. Светлов и композитор Кара Караев.

Мы плавали в глубинах Баренцева моря. Всплывали, погружались, выходили в атаку, срочно всплывали, даже двигались под водой задним ходом, что, как мне объяснили, является уже высшим подводным пилотажем.

Лодка, на которой я плавал, не новая, не атомная, не ракетная, но большая, океанская. И если бы ей пришлось участвовать в минувшей войне, при ее скорости, огромной автономности, современной аппаратуре и вооружении — лодка, наверно, казалась бы верхом совершенства.

Экипаж на лодке молодой. Командир корабля наряду с боевыми задачами решает и педагогические. «Подводнику необходимы три главных качества,— говорит он,— верность своему делу, духовная крепость и любовь к морю...»

На третий день похода задания подводного плавания были отработаны. Прозвучала команда: «К всплытию!».

После многих часов подводного хода, неощутимого, почти неслышимого, нас стало изрядно болтать. Отдраили верхний рубочный люк, о чем мгновенно просигнализировала лампочка в центральном посту. И сейчас же, минуя палубные противоволновые ограждения, внутрь лодки рухнул столб воды, с грохотом обрушившись на людей, приборы, рычаги управления. Сигнальщик с прожектором в руках, одетый в гидрокостюм, стремительно отпрыгнул, и вовремя: новый столб воды потряс лодку, ворвавшись в центральный пост. Как там на мостике работал командир — неизвестно. Но он работал, отдавал команды. Наконец, наверх подали лить; привязались и командир, и сигнальщик, и вахтенный офицер. В неистовом грохоте, который несли с верхней палубы, появилась новая интонация: пронзительный стон волны, вспарываемой острым форштевнем лодки.

Полнейшая темень полярной ночи, десятибальный ветер, двадцать шесть градусов ниже нуля и волна выше поднятого над рубкой перископа. Но и к этому тоже можно привыкнуть. Это обычная служба, которую иные называют тяжелой...

На берегу матросы, как всегда, задержатся у пушки — памятника героям войны. И прочтут выложенные камнем слова: «ПОМНИ ВОИНУ!»

4 МОРЕ ГОРБАТОЕ, СТРАДА СОЛЕНАЯ

Слушайте
песню-репортаж
«И пать
океанов
земли».

Ю. ВИЗБОР,
специальный
корреспондент
«Кругозора».

Баренцево море.

ХРАБРОСТЬ И ТРУСОСТЬ

— Я человека увлекала ввысь,
А ты ему внушала лишь бессилье!
— Нет, я ему твердила:
«Берегись!»
И не гнала, как ты, его
к могиле!
— Я говорила, чтоб не гнул он плеч,
Чтоб не боялся смерти
неизбежной!
— А я учила всех себя беречь
И не вселяла в души дух
мятежный!
— Сын предавал отца; твоя рука
Людей склоняла к подлости,
к измене.
— Я только говорила: «Жизнь
сладка.
И горе людям, что ее не ценят!»
— Но и огонь, что греет твой
очаг,
Не мужество ль похитило у бога?
— Быть может, это все и было
так,
Но жизнь есть жизнь, дано ее
немного!
— Но храбреца восславит честный
люд,
Презренные трусу выпадет на долю!
— Что про него твердят или
поют,
Уже умершему не все равно ли?
— Я мужеству учила всех людей,
Я побеждала в человеке робость!
— А я была добрей, твердя:
«Скорей
Иди назад, коль пред тобою
пропасть!»
— Я говорила: «Не страшна беда!»
А ты учила страху всех живущих!
— Я лишь учила жизни, ведь
всегда
Хлеб и вода в руках
у власть имущих!
— Враждуем мы с тобой
не первый век.
Я быть хочу свободной, ты —
рабою!
— Молчи и помни: смертен
человек.
Бессмертны в мире только мы
с тобою!

Кайсын
КУЛИЕВ

●
Когда на меня навалилась беда
И шел я по отчому краю,
«Отдай свою боль мне», — сказала
вода,
По горному склону стекая.
Сказала мне высь: «Обернись
к небесам,
И в сердце растает тревога».
«Спокойно иди, я тебя
не предам!» —
Тихонько шуршала дорога.
«Взгляни на мои голубые снега», —
Чуть слышно гора мне шептала.
«Приляг на траву», — поманили
луга.
Прилег я, и легче мне стало.
И стало все просто, и понял
я вдруг:
Иного не надо мне рая,
А только б дорога, да речка,
да луг,
Да небо родимого края.

БУБЕН

Огонь предо мною стихал,
Металл смертоносный ломался,
Я прахом и пеплом не стал —
Я пламенем был и остался.

Сильнее ударьте меня,
Не очень приучен я к ласке,
Я — жаркая пляска огня,
Огонь незатейливой пляски.

Меня на расправу волнам
Бросали, чтоб смолк я навеки.
Но я не умолкнул, я сам
Звучал, словно горные реки.

На свадьбах мой сладостный звон
В родимых горах раздавался,
И в горестный час похорон
Мой голос в сердцах отзывался.

Меня предавали огню,
Лишали свободы и крова,
Но свадьба — и вновь я звеню,
Поминки — и плачу я снова.

В родимые горы весна
Приходит из области дальней.
Природа встает ото сна,
Ликуя под звон мой печальный.

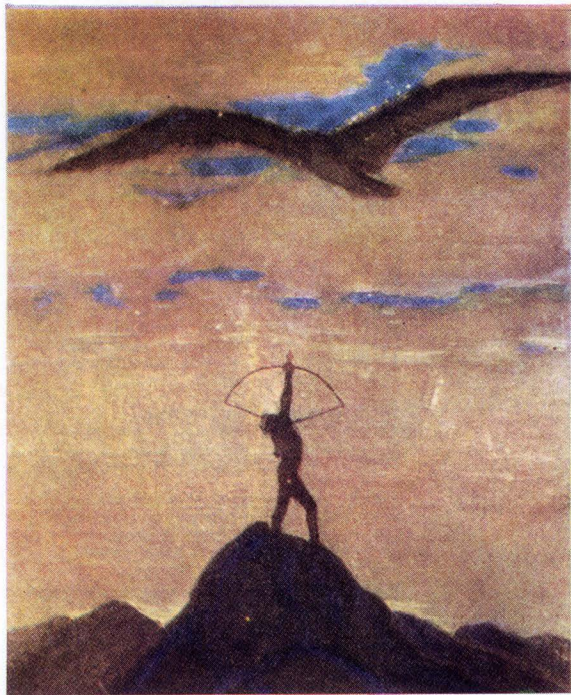
Ударьте меня посильнее —
Ответит вам голос мой древний.
Чем горестней мне и больней,
Тем песня моя задушевней.

Все тленно: печаль и беда,
Мельканье пляски беспечной.
Мой голос звучит, и года
Проходят под стон мой извечный.

Так бейте сильнее меня,
Не очень приучен я к ласке.
Я — жаркая пляска огня,
Огонь незатейливой пляски.

Перевод с балкарского
Н. Гребнева.

Рис. А. Брусиловского

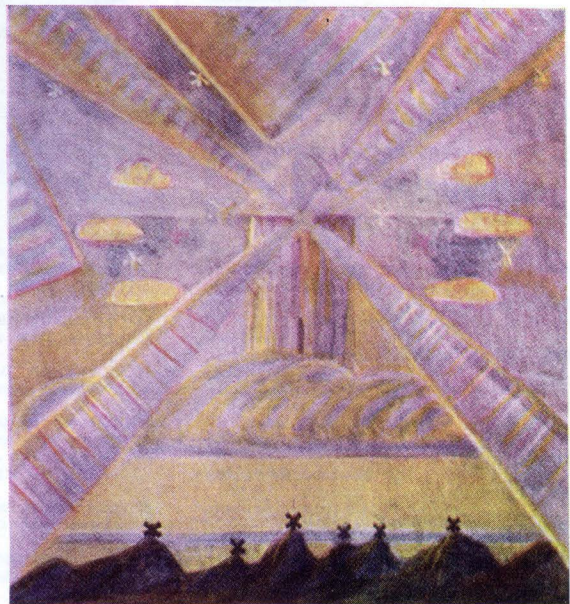

«Трудно выразить, как взволнован я этим замечательным искусством, которое обогатило не только живопись, но и расширило наш кругозор в области полифонии и музыкальной ритмики. Каким плодотворным было бы развитие такого содержательного искусства в живописи широких пространств, монументальных фресок. Это новый духовный континент. Христофором Колумбом которого стал Чюрленис».

Ромен РОЛЛАН

ДВЕ ПАЛИТРЫ ЧЮРЛЕНИСА

Не одними только живописнейшими окрестностями и целебными источниками славен литовский курорт Друсканинкай. Среди смолистых сосновых лесов здесь, над водами синего Немана, вырос и создал многие прекраснейшие свои творения Микалоюс Константинас Чюрлёнис, блестящий живописец, одареннейший музыкант, гордость литовского народа.

С глубиной и силой вскрыл он сокровенные пласты национального художественного гения народа, точно передав психологические особенности его характера, самобытность мышления и поэтически-пантеистского восприятия мира.

Рисунок, краски, музыка служили ему прежде всего для выражения всеохватывающего взгляда на Землю и время. В его синтетическом, провидящем искусстве слышна величавая гармония сфер и галактик. В нем прорывается первозданное кипение сверхэнергий, лишь теперь заверстанное в формулы кормчими звездных кораблей и строителями циклотронов. То был кристаллически чистый, беспокойный и — одинокий романтик, лелеявший еще идею создания красочного звука и музыкальной краски, что в какой-то мере роднило его со Скрябиным.

Зрителей своих проникновенных картин, слушателей своей музыки он вводил в мир необычайных закономерностей, но всегда сказки-фантазии Чюрлёниса светились пламенниками любви к Человеку.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС
Вильнюс

М. Чюрлёнис — художник: «Стрелец» (1907) — из цикла «Знаки Зодиака», «Сказка о замке» (1909), «Соната весны» (1907).

Микалоюс Чюрлёнис — композитор: слушайте в номере восьмую звуковую страницу.

Между затонами

С. ЗИНИН,
спец. корр.
«Кругозор»

Фото
автора

Утром Ханой звенит велосипедными звонками. На углах улиц продают кольраби и бананы. На здании оперы вешают новую афишу. На радиостанцию, уже отправившую в эфир последние известия, поступают из-за рубежа тревожные телеграммы, потому что вчера американцы сообщали, что радиостанция они разбомбили. Потом американцы сделают «уточнение». Потом с Юга придут другие известия. Уточнит радиостанция Фронта Национального освобождения Южного Вьетнама: патриоты разбили станцию в Сайгоне.

Как обычно, в полвосьмого, в полдвенадцатого, а затем снова в половине четвертого, если только не слишком облачно, прилетят американцы. Город наденет железную каску. Прохожий, застигнутый тревогой на улице, опустит над головой в индивидуальном убежище бетонную крышку. Прошелестит смертоносная дробь шариковой...

Самые тревожные тревоги ночные. От переправ, со здания Национального собрания на площади Бадинь, нацелятся в небо кинжа-

лы зениток. Город замирает, одним ударом рубильника врубленный в темноту. Потом из-за крыши гостиницы вываливается начиненное смертью тело бомбардировщика, проползшего над землей, в недостижимости локаторов. Но навстречу ему уже шла ракета.

Ночью, как обычно, двинутся дороги, почти беззвучные, застывшие в предосторожности днем. И героическая первая — на Юг, и знаменитая пятая — Хайфонское шоссе.

...Фары нашего «газика» отбивают у темноты углы зачехленных машин, закамуфлированные цистерны с бензином, тягачи, застывшие впереди тяжелых платформ. Вдоль дорог с крошечными бирками названий деревень — кольцевые насыпи убежищ. Через каждые три метра — новый онопчик. Смерть ждет на дорогах и крестьянку, несущую на коромысле капусту, и медсестру, спешащую на велосипеде к больному, и шофера, везущего мануфактуру, сигареты, сахар. Шоферы противопоставляют опасности ночной график. Крестьяне — осмотрительность пахарей.

Среди квадратов рисовых полей — круглые дамбы убежищ. У каждого крестьянина, как правило, их три. По дороге с поля домой, дома, на поле. На поле есть и короткий оноп для буйвола. Его, как, впрочем, и любую движущуюся точку, американцы приравни-

вают и стратегическому объекту. Тяжело ревущие штурмовики не ленятся пикировать, чтобы вогнать в это «стратегическое» доброе животное очередь из крупнокалиберных пулеметов. И буйволы, только услышав хриплый свист моторов «Локхид эйркрафт» или «Макдоннелл эйркрафт» корпо-

рейшн» корявым коровьим галопом спасаются в свои окопы.
...«Газик» прощупывает дорогу по пунктиру бирок с названиями деревень. И дорога эта не просто результат анкуратности и деловитости дорожников. Крестьянин постоянно слушает землю и небо. И когда в очередном поединке меж-

ду машиной и самолетом бомбы прошивают дорогу или переправу, крестьянин внимательно слушает. Он уже заранее сложил вдоль дороги камень, насыпал груды песка на обочине. Крестьянин слушает, где упала бомба: у них или у дальних соседей? И тогда — ночью, днем, утром — поднимается деревня. И через несколько часов прямое шоссе вновь гудит, готовое к борьбе, к отпору.

Обычно утром Чан Тхи Тхен, продавщица из подземного универмага в городе Намдине (мы остановились там по дороге), едет, нагрузив свой велосипед, на зенитную батарею. Но я видел, как во время вражеской атаки 25-летняя продавщица, ополченка, мать двоих детей, отец которых тоже воюет, встала заряжающей к оружию вместо бойца. И до конца боя не покинула свой пост... Там же, в Намдине, в цехе текстильного комбината, пожилая работница Нгуен Тхи Там сказала мне: «Если они уничтожат электростанцию, мы перейдем на деревенские станки. И будем ткать!»

Далеко за городом — последний, эвакуированный цех комбината. Низкое, плотное здание с километровым поясом траншей убежища. Грохот обычный, текстильный, сплошной. Через невысокую дверь проваливаюсь в этот грохот, в жгучесть воздуха, опущенного хлопком. Каждый звук здесь читается лишь через движение рук, губ или машин. И вдруг беззвуч-

ные, взлетевшие из шума всплески ладоней. И эти женские улыбки и глаза под влажными, сбившимися платками. Неужели аплодисменты мне? Чувствую себя неловко, и сам поднимаю руки над головой. И кричу: «Ну что вы, девочки!» И сам уже плачу. И кричу переводчику: «Хоан, я же не правительственная делегация!» И он отвечает: «Ты с родины Октября». А что я, я могу лишь фотографировать всех на память, а по приезде рассказать, как растрогала меня эта встреча, как потрясли разрушенные кварталы в Хайфоне, и как 34-летняя раненая Чан Тхи Хонг из деревни Фу Ок вспоминала потери лишь одной ночи своей жизни: «Американцы убили Чан Конг Лыу — моего отца, Чан Тхи Неу — мою мать, Чан Конг Хая — моего сына, Чан Тхи Ша — мою дочь, Чан Тхи Там — младшую сестру, Чан Тхи Хуэ и Чан Тхи Май — моих племянниц, Чан Динь Тху — моего племянника».

Она говорила: «Будь они прокляты, американцы!..»

Ханой — Москва

Порт Хайфон.
На причале.

ГОРОД С РАЗНОЦВЕТНЫМИ ГЛАЗАМИ

В сюите из нескольких баллад под этим названием композитор Владимир Шаинский и поэт Александр Алшутлов представили на вращающемся звуковом «стенде» журнала песенно-поэтические пейзажи московских улиц. «Впрочем, — заметили сами авторы, — не обязательно только московских, так как образные знаменатели выбраны самые общие...»

Музыкальные баллады о городе с разноцветными глазами — на одиннадцатой звуковой странице.

БЕРЕЗОВКА

ДАК ДАКС:

старые песни на новый лад

5

В. ЦВЕТОВ

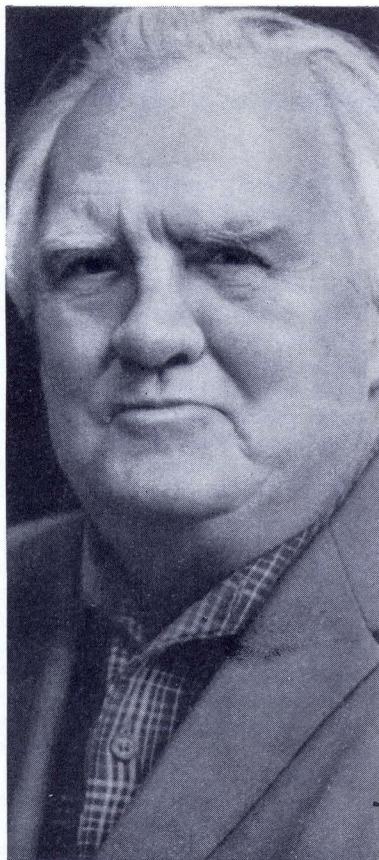
Известная крыловская сентенция о сапогах и пирожнике оказалась в данном случае несостоятельной. На зависть консерваториям экономический факультет одного из самых старых и уважаемых японских университетов выпустил певцов, которые теперь широко известны. Это случилось пятнадцать лет назад. Четыре бакалавра — Хадзимэ Тояма, Тэцу Кисо, Тору Сасаки и Хирому Такаמידзава — образовали вокальный квартет и нарекли себя «Дак Дакс» — «Черные утки».

«Дак Дакс» побил рекорд «долголетия»: нет в Японии другого ансамбля, который выступал бы в неизменном составе пятнадцать лет. Квартету принадлежит рекорд и по богатству репертуара: певцы разучили полторы тысячи песен — японских, русских, французских, африканских, индийских, латиноамериканских...

Слава пришла к певцам после успешного выступления в Советском Союзе. И хотя квартет был гостем многих народов, чьи песни он исполняет, самые желанные концерты, по их словам, — в нашей стране. Это не просто добрые слова и вежливый комплимент гастролеров. Надеюсь, вы убедитесь в этом сами, прослушав пятую звуковую страницу «Кругозора».

Токио — Москва

*На звуковой странице:
русский романс
на японском языке.*

ЗЕМЛЯ И НЕБО НИКОЛАЯ ТИХОНОВА

Заметки о поэзии

Евгений ВИНОКУРОВ

У Николая Тихонова не рассказ об увиденном, а ПОЭЗИЯ увиденного.

Я впервые прочитал книгу его избранных стихов, вернувшись с фронта, и сразу же попал под их обаяние. Я и мои сверстники были измучены пережитым, изумительно жадны до жизни. Я понял: это мой поэт, это поэзия для меня. Все, что я ощутил, передумал и не высказал, было в этой книге. Каждое слово находило отклик во мне, било по клавишам, находившимся где-то внутри меня.

Книга называлась «Сто стихотворений». Я не поверил и, помню, даже пересчитал — действительно сто. На обложке была нарисована винтовка и масляная ветка.

До этого я не знал ни одной его строки. Если бы я читал этого поэта до войны, то не было бы такого оглушительного эффекта от знакомства. Я «заболел» Тихоновым, ибо не было до этого «прививки». Я воспринял его стихи со всей непосредственностью и остротой открывшейся новизны.

А ведь они были написаны почти за четверть века до того, как я взял этот сборник в руки. В год

окончания гражданской войны и в год смерти Блока вышли одновременно «Орда» и «Брага», книги, полные неистребимой жадности жизни, первозданного восторга перед бытием. Молодой поэт эпохи войн и революций принес новое, до того небывалое ощущение мира, не имевшее ничего общего с настроением усталости, разочарованности, свойственным поэтам довоенных лет. Он-то и был тем новым человеком, тем «гунном», о приходе которого пророчествовали Блок, Брюсов, Волошин, которого ждали все начало века, боялись и, еще не видя, приветствовали в «жертвенном экстазе».

Тихонов, новый человек, заявил о своей школе: «Жизнь учила веслом и веревкой». Он любил восклицать: «Я одержимый дикий, я гол», — хотя первозданность его совмещалась с глубоким усвоением всей прошлой культуры, с тонкостью.

Брюсов писал от лица своих коллег: «А мы, мудрецы и поэты, хранители тайны и веры, унесем зажженные светы в катакомбы, в пустыни, в пещеры».

Тихонов — от имени своего поколения:

Праздничный, веселый,
бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить...

Заостренно полемически по отношению к тем, устремленным только в «небо», он любил заявлять о своей привязанности к ЗЕМЛЕ: «Мы отданы ей, мы земному верны мятежу». «Если ты любишь землю во мраке больше, чем звезды, — встань и скажи...»

Полуфантастическая реальность тихоновского мира действительней любой действительности. Мир этот, с его грубой и яркой живописью, предельно материален, объемлен, плотен. Не случайно поэт так навязчиво повторяет такое смачное, грубо-земное слово «кусок»: «И рукою, лиловой от стужи, протянул мне кусок табану». Но не только кусок табану и не только куски воды — сам солнечный свет у него предмет: «Лежала лодка в золотых осколках последнего разбившегося солнца». Но что солнце! Душа и та как бы плотна: «Почему душа... не разбита ночью на куски».

Но при всей образной щедрости поэт бывает скуп по-военному: «Отдадим же лишнее обратно». Для его героя характерна резкость внешнего жеста, командная краткость, императивность речи: «Я ударил винтовкою оземь, взял табан и сказал: не вино...», «По согнутым пальцам, по дрогнувшей брови узнала, сказала: пей...»

Тихонов внес в поэзию грубую прямоту непосредственности, мужества. Его герой — много испытавший, подчас жестокий к себе и другим человек. «Мы разучились нищим подавать», — эта первая строка знаменитого стихотворения как формула.

Но тяжкие испытания, что ожесточили поколение, не лишили людей способности быть высокими: «О, как мы любили горячо — в величии начинающем скрипе и у стен с отбитым кирпичом».

...Проза раздирает во все стороны стих Тихонова, стих нарочито затруднен, неуклюж, перегружен «земными» подробностями, но над всем этим — НЕБО романтики, выстраданное, добытое тяжелыми руками фронтовика, — новое НЕБО.

На третьей звуковой странице
Николай Тихонов читает стихи

Кабачок

Гости Кабачка — В. Макаров, квартет «Аккорд»,
Удо Юргенс,
киноактриса и певица
Мари Лафоре.

Граждане посетители Кабачка! Может быть, и вас кто-нибудь когда-нибудь изображал, имитировал, пародировал, шаржировал. Это всегда вызывает массу веселья. Причем вы вынуждены смеяться громче всех, тем самым показывая окружающим, как богато вы наделены широтой взгляда и чувством юмора. Но сейчас мы с вами наедине. С глазу на глаз. Давайте признаемся честно: это обидно, противно, бьет по самолюбию, и смех наш в этих случаях абсолютно неестественный.

Вы только посмотрите, что тут нарисовано. Я, может быть, не Марчелло Мастроянни, но зачем это художнику Саше Гамбургу (тоже не красавцу, с несколько сварливым характером), зачем это ему понадобилось добиваться полного отсутствия сходства со мной?! Непонятно... Свой окончательный отрыв от жизни художник подтвердил изображением граммофона, который, да было бы ему известно, работает на 76 оборотов, а наш Кабачок — на 33 с половиной!

Вообще-то подобные художества меня задеть не могут, но настроение, откровенно говоря, портят изрядно. К счастью, мне не так трудно его исправить: ведь сегодня у нас в Кабачке действительно замечательные гости (которые, между прочим, относятся ко мне с неизменным уважением).

Прошу, заходите!

Зиновий ГЕРДТ

«Песня о друге» В. Высоцкого — из к/ф «Вертикаль»; «Танцуй, милая» — новая песня Микиса Теодоракиса; «Шери» — песня Удо Юргенса; «Иван, Борис и я» Эмиля Стерна и Эдди Марней — популярная песня Парижа.

Все должно начинаться с начала. И если уж ты решил познакомиться с рекой — начинай с истока.

Но так сложились обстоятельства, что мне довелось сперва увидеть места, где кончается река. Увидеть устье Печоры. Впрочем, нет, я его не увидел. И никто, мне сдается, не может похвастать тем, что видел печорское устье. Потому что, когда пароход следует мимо Щельяюра, Оксина, приближается к Нарьян-Мару, это еще река. Ты видишь оба берега. Они постепенно лысеют. Одна лишь берега, карликовая, приземистая, но все равно белоногая, держится за мерзлый грунт, будто завяряя: это русская земля, и я, берега, стою здесь ее красой и стражей...

Но далее уже нет берегов. Только вода. Печорская губа с пригубьями. Море. Студеный океан, которому ни конца, ни края. Поди сыщи тут печорское устье. Разве что

жив отдели. На берегу я увидел изрядно нагруженную лодку. Парень в кепке и сапогах-броднях возился с подвесным мотором.

— Пойдешь вверх? — спросил я.

— Нет. Вниз пойду, — ответил парень. — Чего я там не видал, вверх?

— А исток Печоры ты видал?

— Фью-у... — присвистнул он. — Его никто не видал. Может, медведь видал... В горах это. Там и людей нет. А у меня работа — кинопередвижка.

Что ж, пришлось распроститься с заветной целью. Парень — звали его Яшкой — взял меня в лодку. И мы поплыли вниз по Печоре, которая здесь была узка, порожиата, мелява: так, речушка...

В Яшкиной поклаже был один фильм, да и тот старый: «Парень из нашего города». Он, однако, не унывал. В селе Курья он вынул афишу-безымянку и намалевал тушью: «Парень из нашей Курьи». Колхозный клуб был набит бит-

ПЕЧОРА

сунуть палец в воду да пососать: солона ли? Нет, еще пресна.

Много любопытного встретишь в низовьях великой реки. Ижемские девушки по праздникам щеголяют в парче, лисьих душегрейках, драгоценных кокошниках. В Усть-Цильме вдруг обнаруживаешь, что тебе не так уж легко объясниться со своим же русским человеком: говорят здесь языком аввакумовских времен. В тундрах гуляют несметные стада оленей...

Но я хотел во что бы то ни стало забраться и в верховья Печоры. Я знал, что весной, по большой воде — единственный раз в году — пароход поднимается туда, ближе к истокам. Он везет в эти места сахар и муку, одеяла и валенки, школьные тетради и транзисторные приемники. И, как на грех, я опоздал к этому рейсу!..

Пришлось лететь самолетом. Был май, а вода уже спала, обна-

ком. Следующим вечером, спустившись еще километров на тридцать, мы оказались в Мамыле, поселке леспромхоза. Я помог Яшке оформить афишу: «Парень из нашего Мамыля». Лесники горячо аплодировали. Еще день пути. В Джегоре базировалась сейсмическая партия. Геологи явились на премьеру в галстуках, а геологини — с искусными прическами. Мы показали им кинофильм «Парень из нашего Джегора».

Сборы были полные. Никто не роптал. Уж очень хорош был парень — танкист Сергей Луонин. Двенадцать вечеров подряд я смотрел этот фильм.

Правда, я так и не нашел истока Печоры. Как не обнаружил и устье. Но с тех пор вздрагивает сердце, когда я слышу это: Печора.

Александр РЕКЕМЧУК

Северные песни Северного хора — на шестой звуковой странице.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

М. СЕМЕНОВ

Рисунки
И. Семенова.

Где-то на очень отдаленной орбите истории человек и рыба установили меж собой прочные взаимоотношения. Человек сделал из кости птицу крючок, насадил на него кузнечика, привязал крючок к длинному сухожилу и забросил приманку в реку. А рыба клюнула. С тех пор человек и рыба не могут жить друг без друга.

Продираясь сквозь девственные дебри, человек всегда искал речку, тихую лагуну или просто озерцо, чтобы испытать рыбацкое счастье. Рыба тоже не дремала, она нетерпеливо ждала, когда появится на берегу это удивительное двуногое существо и предложит великодушные лакомства: ароматных гусениц, золотистых жуков или жирных дождевых червей. Они затевали увлекательную, но честную игру: рыба стремилась сорвать наживку без ущерба для себя, а человек — подцепить ее на крючок. Впоследствии эта игра получила официальное наименование спортивного рыболовства.

Шли века, сменялись цивилизации. Одно оставалось неизменным: дружба человека и рыбы. Она выдержала всемирный потоп (если он, конечно, был), безвозвратную утрату Атлантиды (если таковая когда-нибудь существовала), ледниковый период (в реальном существовании которого теперь никто не сомневается). Даже во времена жесточайших войн и глобальных завоевательных походов люди не забывали о своем друге. Я не сом-

неваюсь, что свирепые легионеры Александра Македонского с тихой улыбочкой наблюдали жиловку сомов в Аму-Дарье, а усатые гренандеры Наполеона терпеливо искали рыбацкой удачи в илистых водах Нила.

Рыбная ловля во все времена была одной из самых сильных страстей человеческих. И, пожалуй, самой невинной страстью. Но в друг все переменялось.

Впрочем, вдруг — не то слово. Перемены наступали постепенно. Может быть, они начались в тот момент, когда человек заменил хрупкий костяной крючок более надежным, бронзовым. Или тогда, когда он удлинил свою руку, придумав удилеще. А может быть, перемены начались с изобретения грузила, и человек, чтобы подальше забрасывать леску, привязал к ней обыкновен-

1. К 150-летию со дня рождения Маркса. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Звуковой плакат.

2. Стальная наска Вьетнама. Репортаж специального корреспондента «Кругозора».

3. «Прибой стиха идет волне вослед». Николай Тихонов. Стихи разных лет. У микрофона — автор.

4. И пять океанов земли. Песня-репортаж Юрия Визбора.

5. Японский квартал Дак Дакс поет романс «Я встретил вас» и песню Сатур Инаяма «Цветы, опавшие на взморье».

6. Русские народные песни «Кари глазаи» и «Ой конь бежит». Поет Северный хор.

7. «Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...» Поэтический монолог интербригадцев.

8. Музыкальные краски Микалоюса Чюрлёниса. Фрагмент из симфонической поэмы «В лесу».

9—10. «Кабачок 33 1/2 оборота».

11. Песенные пейзажи города. В. Шаинский и А. Алшутов. «Город с разноцветными глазами»; «Черный кофе»; «Аэротрассы». Исполняют: В. Мулерман, А. Ведищева, А. Ухначев.

12. Чтобы рыбак не скучал: новая песня В. Махлянкина и М. Семенова «Десна-красавица» и известная «Мормышкна» Ю. Левитина и В. Лифшица, представленные В. Трошиным и О. Анофриевым.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
А. Луцкий.
Технический
редактор
Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59

В 03310. Подп. к печ.
17/IV 1968 г. Формат
бумаги 84X108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 563. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография газет
«Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Человек и рыба

Шуточное
исследование
с серьезной целью

ный камень. (Отвинчивать для грузил гайки было еще невозможно ввиду отсутствия железных дорог).

Дальше — больше: бронзовый крючок был заменен железным, а затем стальным, грубое сухожилие — эластичной леской, свитой из конского волоса; тяжелое удилище — легким бамбуковым. Переход от простейшей мануфактуры к фабричному производству ознаменовался быстрым техническим прогрессом в вооружении рыболова. Появились искусственные насадки и наживки, механические катушки, тончайшие лески из нейлона и силона, пластиковые удилища. Теперь не надо было, запыхавшись, бегать по лугу за стрелками, лезть в холодную воду за живцом, развешивать силу рук для дальних и метких забросов.

Между тем техника склевывания червяка оставалась на прежнем уровне.

Вошли в обиход снасти-самоловы: жерлицы, переметы и даже... капканы. Выставив с вечера все эти автоматические действующие, цепляющие, подсекающие и багрящие устройства, че-

ловек заваливался спать, а утром собирал добычу. Честная игра уступила место нечестной.

Раньше ледяной покров служил рыбе надежной броней, защищавшей ее от назойливых домогательств охотников до ароматной ухи. Пылкая мысль современного любителя природы с индустриальным

уклоном подсказала конструкцию ледоруба, пронзающего любую толщу льда с легкостью ножа, погруженного в брусок сливочного масла.

Изобретены приборы, позволяющие абсолютно точно определять, есть ли в данном месте рыба, или ее нет. Смонтированы портативные установки, привлекающие обитателей подводного царства ярким светом электроручей. И, наконец, последнее слово техники: удочка, названная «Удача». Ее не нужно держать в руках, не нужно и следить за поклевками. Для устройства «Удачи» использован принцип электромагнитных колебаний. Удочка сама вибрирует, «играет» наживкой и вполне самостоятельно засекает не посвященного в тайны электроники пучеглазого окуня.

Рыбу безжалостно загнали в угол.

А что касается костра и ночлега под открытым небом, то они существуют лишь в рыбацких очерках. Слово грибы после хорошего дождя, выросли повсеместно так называемые остановочные пункты, а по сути, микроотели, предоставляющие их обитателям все виды комфорта — от теплой полойной постели до холодильника и горячего душа включительно.

Таковы благодатные плоды цивилизации.

И сидит он, современный цивилизованный рыбак, на раскладном стульчике, закутанный, как шелковичный кокон, в непромокаемые и непродуваемые одежды, листая холстыми ручками какую-нибудь занятую книжку. А вокруг него самые новейшие самолосы-автоматы и безотказно действующие электронные сигнальные устройства. Волноваться, переживать не надо: когда потребуется — техника сработает.

Не пора ли нам очистить отношения с рыбой от всего наносного, вредного, уродливого? И вернуться к честной игре!..

На двенадцатой звуковой странице еще одно исследование на эту же тему. Точка зрения композиторов и поэтов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПАНОРАМА
«КРУГОЗОРА»

Удивительные вещи видел я на этом взгорье.

Шота Руставели

Цена 1 руб.